

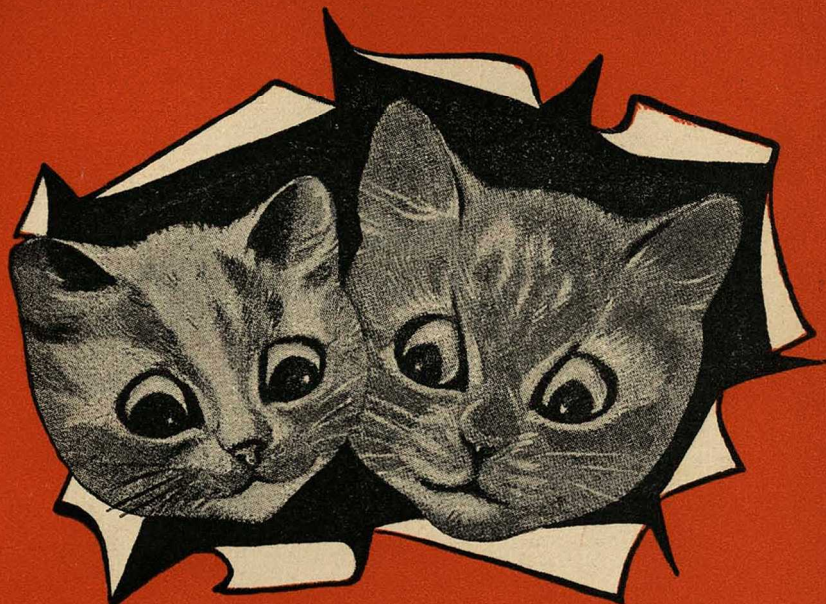
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

XVII 45
10

Годъ изданія третій
СЕНТЯБРЬ

№ 21.

1910.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

СОДЕРЖАНІЕ:

СЪ ДАЧИ.
ВЪ ГОСТЯХЪ У НЯНИ.
МАЛИНОВКА.
СОВѢТЬ.
МУРАВЬИ.
ГОЛОВОЛОМКИ И ПРОЧ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

„Свѣдая старина“ (легенды о быломъ), соч. А. Г. Гербертсонъ (листъ 9-й съ раскрашенной

THE UNIVERSITY OF
TORONTO

GEORGE EASTMAN

PHOTOGRAPHER

1854-1906

№ 21. Сентябрь, 1910.

Годъ изданія III-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Своя лошадка.

СЪ ДАЧИ.

Августъ хмурый затянулся,
По утрамъ бывалъ морозъ
И съ вещами потянулся
Съ дачи въ городъ грузный возъ.

Вотъ и городъ... Грязно, сыро..
Всѣ чужіе... Суета...
Вотъ и прежняя квартира
И, конечно, тѣснота.

Все кругомъ не такъ, какъ было,
Все тоскливо для ребятъ,
И по комнатамъ уныло
Они бродятъ и хандрятъ.

Кузнечикъ.

ВЪ ГОСТЯХЪ У НЯНИ.

Письма Сони.

(Продолженіе).

III.

Дорогая мамочка, сегодня утромъ я вскочила рано, часовъ въ пять и тотчасъ же одѣлась и выбѣжала на дворъ. Сіяло солнце и капли росы висѣли еще на лепесткахъ цвѣтовъ и на листьяхъ деревьевъ. Я еще ни разу въ жизни такъ рано не вставала. Щебетали птицы, мычалъ скотъ, все уже проснулось и мнѣ было пріятно вдыхать въ себя свѣжій утренній воздухъ. Я взяла полотенце и мыло и умылась прямо изъ колодца.

Вышла Параша и очень удивилась, что я поднялась такъ рано. Она по-

дошла ко мнѣ и почему-то поцѣловала меня въ плечо.

— Уже, барышня, встали? спросила она.

— Да, отвѣтила я.—И знаешь, Параша, это въ первый разъ въ жизни!.. Теперь я буду вставать такъ рано каждый день...

— Зачѣмъ?

— Раннимъ утромъ такъ хорошо!

— А какъ же вы будете не покушавши? Вѣдь ваша няня только сейчасъ уѣхала къ ранней обѣднѣ!

— Такъ рано?

— Что же за рано? Вѣдь уже шестой часъ!

Для нея шестой часъ уже не рано. Милая мамочка, зачѣмъ же мы всѣ въ городѣ такъ поздно встаемъ? Вѣдь пока мы лежимъ въ постеляхъ, свѣтитъ солнце, поютъ птицы, цвѣты лучше пахнутъ и воздухъ такъ чистъ и прозраченъ! И всего этого въ городѣ мы не видимъ никогда.

Въ это время послышался стукъ колесъ. Это возвратился изъ церкви Лука. Онъ отвезъ няню и поѣдетъ за нею туда во второй разъ, когда окончится обѣдня. Увидѣвъ меня, онъ соскочилъ съ козелъ таранасика, схватилъ меня на руки и высоко поднялъ меня на воздухъ.

— Здравствуйте, барышня! воскликнулъ онъ.— Вы уже вставши? Позвольте васъ поздравить съ добрымъ утромъ!

Затѣмъ онъ распрягъ лошадь, поставилъ ее въ конюшню и самъ тотчасъ же принялся за работу.

Параша вынесла изъ людской корытце, надѣла на одну руку старую перчатку, нарвала крапивы, чтобы не обжечь руки, и стала мелко рубить ее сѣчкой въ корытцѣ.

— Что это ты дѣлаешь, Параша? спросила я ее.

— Кормъ для куръ, барышня!

Я удивилась и стала смотрѣть. Изрубивши крапиву такъ мелко, какъ мы рубимъ капусту на пироги, она обварила ее кипяткомъ, посыпала отрубями и отправилась кормить куръ. Завидѣвъ ее, куры бросились къ ней

со всѣхъ сторонъ, стали взлетать къ ней прямо въ корытце и клевать этотъ кормъ у нея прямо съ рукъ.

— Ну, ладно, ладно, обжоры! сказала она.— Всѣмъ дамъ, всѣ сыты будете!

Она поставила корытце на землю и тутъ началась у куръ такая давка, точно каждая изъ нихъ боялась, что ей не останется ничего.

— Пойдемте, барышня, я вамъ что-то покажу, обратилась ко мнѣ Параша.

Она взяла меня за руку и повела меня въ людскую. Тамъ было очень жарко и очень вкусно пахло только что испеченнымъ хлѣбомъ. Параша залѣзла на печку, достала оттуда горшокъ, покрытый тряпкой и поставила его на столъ.

— Смотрите сюда! сказала она.

Она сняла съ горшка тряпку и стала вынимать изъ него одного за другимъ прелестныхъ желтенькихъ утенокъ. Всѣ они были кругленькіе и такіе пушистые, какъ пуховки изъ-подъ пудры.

— Гдѣ ты ихъ взяла? воскликнула я въ восторгѣ.

— Вывелись сегодня за ночь... отвѣтила она.

И взявъ съ лавки тазъ, она налила въ него воды, сгребла горстями всѣхъ утятъ и опустила ихъ въ воду. Я думала, что они утонутъ, но они весело стали плавать въ тазу и даже въ немъ нырять.

— Ну, довольно! сказала Параша.— Поплавали!

Она опять сгребла всѣхъ ихъ въ горсть и снова положила ихъ въ горшокъ.

— Дай же имъ хоть обсохнуть! сказала я.— Вѣдь они только-что были въ водѣ!

Параша поглядѣла на меня съ удивленіемъ.

— Да развѣ утки когда-нибудь мокрѣя бывають? спросила она.— Нѣтъ, барышня. Вся утка покрыта сверху жиромъ, такъ что вода къ ней не пристаётъ. Оттого-то она такъ хорошо и плаваетъ. Вотъ у курицы, это точно, перья сухія; оттого она такъ ключемъ ко дну и идетъ. А у утки каждое перышко, каждая пушинка смазана масломъ, вотъ она такъ хорошо и держится на водѣ!

Она снова поставила горшокъ на печку и лукаво мнѣ подмигнула.

— Пойдите, барышня, сказала она.— Я вамъ сейчасъ чего-то дамъ.

Она отворила заслонку въ печкѣ и я увидала въ глубинѣ ея большіе, красивые, душистые хлѣбы.

— Испеклись... сказала Параша, взяла большую, длинную лопату и вытащила ею всѣ хлѣбы изъ печки.

Запахъ распространился по всей людской. Параша взяла одинъ хлѣбъ, перекрестилась на образъ, поцѣловала самый хлѣбъ и отрѣзала отъ него то самое мѣсто, гдѣ горбушечка была повкуснѣе, и дала его мнѣ.

— Кушайте на здоровье! сказала она.

Отъ аппетита у меня потекли даже слюнки. Параша сбѣгала за молокомъ,

слила съ одной изъ крынокъ всѣ сливки въ кружку и дала ее мнѣ. Я обмакивала теплую горбушку въ сливки и ѣла черный хлѣбъ съ такимъ аппетитомъ, съ какимъ не ѣла никогда ничего. Конечно, мамочка, ты сдѣлаешь сейчасъ большіе глаза и скажешь:— «Какъ, она тамъ ѣстъ черный хлѣбъ натошакъ!»— Не бойся, я отъ него только здоровѣю.

Параша глядѣла на меня, какъ я ѣла, да вдругъ и размѣялась. Очень ужъ ей было забавно глядѣть, съ какимъ удовольствіемъ я ѣла черный хлѣбъ. Она смѣялась и обнажила два ряда своихъ прелестныхъ, бѣлыхъ зубовъ.

— Ты, Параша, часто чистишь зубы? спросила я ее.

Она съ удивленіемъ оглядѣла меня съ ногъ до головы.

— Зубы?.. переспросила она.— Да развѣ намъ есть время еще чистить зубы?

— Отчего же они у тебя такіе бѣлые?

Она подумала и сказала:

— Это барышня, отъ чернаго хлѣба. Мы вѣдь мясное ѣдимъ только по праздникамъ, а наши старики говорятъ, что зубы портятся отъ мясного.

Мы вышли изъ людской. Параша занялась своимъ дѣломъ, Лука ковырялся у себя на огородѣ, а я сѣла на крылечкѣ дома и стала думать о разныхъ вещахъ. Какъ вдругъ я услышала какіе-то странные звуки. Кто-то будто бы игралъ на чемъ-то, а кто-то другой будто бы пѣлъ. Я прислу-

шалась. Звуки доносились изнутри дома.

«Что бы это было?» подумала я.

Затѣмъ кто-то вдругъ громко расхохотался и въ этомъ смѣхѣ я узнала голосъ Кати. Тогда я вспомнила о ней, вбѣжала въ домъ и то, что представилось моимъ глазамъ, заставило и меня тоже чуть не умереть отъ смѣха. У окна сидѣла совсѣмъ уже одѣтая Катя и играла на какомъ-то странномъ инструментѣ. Около нея стоялъ Жучокъ и вылъ во весь свой собачій голосъ.

— Что это ты дѣлаешь? спросила я Катю.

— Развѣ не видишь? отвѣтила она.— Даю концертъ!

— Что это у тебя за гитара?

— Не знаю... Полѣзла сейчасъ въ чуланъ, чтобы найти себѣ чего-нибудь поѣсть, и вдругъ увидѣла тамъ эту скрипку.

И она снова заиграла по струнамъ и Жучокъ снова завылъ свою невыносимую пѣсню.

Я зажала себѣ уши и хотѣла было уйти.

— Развѣ тебѣ не нравится! спросила Катя.— А по моему это даже очень хорошо.

— Но вѣдь ты мучишь собаку! Развѣ ты не слышишь, какъ воетъ Жучокъ?

— Я его не держу. Если ему не нравится, то онъ можетъ уходить.

И дѣйствительно, вѣроятно, Жучку очень нравилась эта музыка, потому что онъ продолжалъ стоять около

Кати и, задрвавъ голову, громко выть.

Въ это время послышались въ передней чьи-то шаги. Мы такъ увлеклись нашимъ концертомъ, что и не замѣтили, какъ къ намъ вошла няня. Она вернулась изъ церкви пѣшкомъ. Остановившись у двери, она долго смотрѣла на насъ, улыбалась, а затѣмъ покачала головой и ласково сказала:

Около нея стоялъ Жучекъ и вылъ.

— Ахъ, вы баловницы, баловницы! Вотъ погодите, ужо я васъ накажу!

Она положила на столъ просфору, молча взяла изъ рукъ у Кати балагайку и вынесла ее въ чуланъ. Дружокъ тотчасъ же убѣжалъ на дворъ.

— И все эта стрекоза! погрозила няня пальцемъ Катѣ.— И всюду-то, всюду она засунетъ свой носъ! Ну, здравствуйте, дѣтки!

Она обѣихъ насъ обняла, перекрестила и поцѣловала.

— Богъ милости прислалъ! сказала она и стала снимать съ себя платокъ.

Вошла Параша и стала готовить чай. Появились горячія, вкусныя пышки, сливки, масло, яйца. Нянь все казалось, что мы мало ѣдимъ и она то и дѣло давала намъ еще и еще. Мы ѣли за обѣ щеки, а она глядѣла на насъ и не могла оторвать отъ насъ глазъ.

— Няня, спросила я ее, когда мы отпили уже чай.—Откуда у тебя эта музыка, на которой сейчасъ играла Катя?

Няня вздохнула и глаза ея засвѣтились такъ, точно она вспомнила о чемъ-нибудь очень для нея дорогомъ.

— Это—музыка твоего папы, отвѣтила она.—Когда я нянчила его, голубчика, тридцать лѣтъ тому назадъ, такъ онъ, мальчикомъ, любилъ на ней вотъ такъ же дразнить собаку, какъ и эта стрекоза!

Милая мамочка, обнимаю тебя и цѣлую тебя тысячу разъ. Кланяйся Нюрѣ и Сережѣ и скажи папѣ, что его музыка у няни еще цѣла.

Твоя дочь Соня.

IV.

Дорогая мама. Сегодня Параша вывела утятъ на дворъ. Они—сиротки. Оказывается, что у нихъ нѣтъ матки, такъ какъ они вывелись изъ яицъ, подложенныхъ подъ курицу. Я думала, что они разбѣгутся безъ матери въ разныя стороны, но они весело бросились въ воду, въ пру-

докъ, поплавали въ немъ, вылѣзли потомъ на бережокъ и долго затѣмъ лежали на травкѣ и грѣлись.

— Бѣдныя, утятки! указала я на нихъ Лукѣ.—У нихъ нѣтъ матери! Они сиротки!

Лука тоже подошелъ къ нимъ, долго глядѣлъ на нихъ и сказалъ:

— А я такъ думаю, барышня, что если птица не знаетъ матери, то ужъ и не думаетъ о ней. Вотъ ихъ здѣсь всѣхъ пять штукъ, а они этого даже и не смыслятъ. Убѣги одинъ изъ нихъ или пропади, они и не догадаются, что его не хватаетъ. Такъ вотъ и курица съ цыплятами: она тоже счета не знаетъ. Для нея все равно, что у нея двадцать цыплятъ, что одинъ. Она тогда только замѣчаетъ свою потерю, когда не хватить у нея и этого одного!

Я въ первый разъ въ жизни слышала, что птица не знаетъ счета, и это меня очень удивило.

Лука отошелъ, а я все еще сидѣла около утятъ и любовалась на нихъ. Какъ вдругъ кто-то около меня вылѣзъ изъ-за кустовъ, засмѣялся и дернулъ меня за рукавъ. Я оглянулась и увидала около себя деревенскаго мальчика. На головѣ у него вмѣсто шапки былъ какой-то старый чулокъ и вся рожица у него была такъ испачкана, что онъ походилъ на негритенка.

— Здравствуй, барышня, сказалъ онъ.—Гы-и!

— Здравствуй, отвѣтила я.—Тебя какъ зовутъ?

— Бориска!.. Гы-и!

— Ты чей?

— Ничей... У меня ни тятки, ни мамки нѣту... Я казенный.

Я не поняла его и спросила:

— Хочешь съ нами играть?

— Хочу.

Я взяла его за руку и повела его въ домъ, гдѣ въ это время Катя ныряла въ няниной перинѣ. Увидѣвъ Бориску, Катя соскочила съ кровати, захлопала въ ладоши и закричала во весь голосъ:—А, Бориска, здравствуй! Наконецъ-то ты пришелъ!

Она схватила Бориску за плечи и стала его тормошить. Онъ смѣялся во все горло и дѣлалъ все, что только она приказывала ему дѣлать.

— Ты знаешь? обратилась она ко мнѣ.—Это мой ученикъ.

— Какъ ученикъ? спросила я.

— Очень просто: я выучила его читать и писать. Школа отъ насъ далеко, такъ чтобы онъ не остался безграмотнымъ вовсе, я и стала его учить.

Мы бѣгали втроемъ, рѣзвились, рядились въ нянины платья и подъ конецъ сдѣлали въ комнатахъ такой беспорядокъ, что даже няня покачала головой.

— Бориска, утри носъ! сказала она.

Бориска утеръ носъ рукавомъ и опять засмѣялся:—Гы-и!

Мнѣ очень понравился Бориска и я попросила няню, чтобы она позволила ему придти къ намъ и завтра.

— Что жъ, отвѣтила няня,—пу-скай ходитъ хоть каждый день! Онъ

хоть и сопливый, а мальчикъ хоро- шій. Я его сама очень люблю. Это у васъ въ городѣ съ простыми ребя- тишками играть нельзя, а у насъ можно!

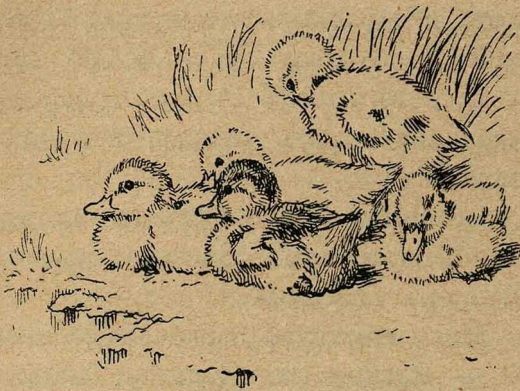
— Няня, а что значитъ «казен- ный?» спросила я.—Бориска говоритъ, что онъ казенный.

Няня вздохнула и покачала головой.

— Видишь ли, Сонечка, сказала она,—не у всѣхъ есть матери и отцы. А бываютъ и такія дѣти, которыхъ въ городѣ подкидываютъ, какъ щенятъ. Въ деревнѣ каждому ребенку рады, а въ городѣ матери иногда нечего ѣсть самой, вотъ она тайкомъ къ кому-нибудь и подброситъ своего ребенка. Въмѣсто того, чтобы взять такого ребенка къ себѣ, да воспи- тать его, люди несутъ его въ уча- стокъ, въ полицію, а та отправляетъ его въ Воспитательный домъ. Чтобы такихъ ребятъ много не скопилось, Воспитательный домъ разсылаетъ ихъ по деревнямъ и раздаетъ мужикамъ. Мужики такъ любятъ этихъ дѣтей, что относятся къ нимъ иногда даже лучше, чѣмъ къ своимъ роднымъ. Такія дѣти и называются казенными. Вотъ и я взяла къ себѣ этого Бо- риску. Пусть бѣгаетъ себѣ на сво- бодѣ, пока еще малъ! А подрастетъ,— я научу его какому-нибудь ремеслу и будетъ онъ честнымъ трудомъ до- бывать себѣ хлѣбъ!

Я и Катя взяли «казеннаго» за руки и выбѣжали съ нимъ на дворъ.

— Хотите, я покажу вамъ, ска- залъ онъ,—какъ лошади ѣдятъ траву?

Утятки вылѣзли на бережокъ и долго затѣмъ лежали на травкѣ и грѣлись.

— А ну, покажи! отвѣтили мы.

Онъ всталъ на четвереньки и сталъ ѣсть траву.

— Бориска! испугалась я. — Что ты дѣлаешь? Вѣдь ты отравишься и умрешь!

Но Бориска не обращалъ вниманія и продолжалъ питаться травой.

— Лука, крикнула я работнику, — прикажи Борискѣ, чтобы онъ пересталъ!

Лука поглядѣлъ на него, засмѣялся и сказалъ:

— Пушай его ѣсть! Должно быть ему вкусно!

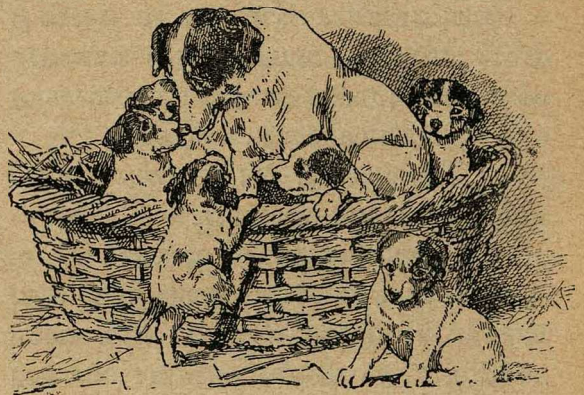
Я—казенный!

— Но вѣдь это ему повредить!

— Ничего!

Бориска поднялся на ноги, прожевалъ траву и проглотилъ. Я думала, что его тотчасъ же уложить въ постель, дадутъ ему касторки и поставятъ ему грѣлку на животъ, но никто этого не сдѣлалъ, и такъ Бориска и пробѣгалъ съ нами, какъ ни въ чемъ не бывало, до самаго вечера.

Вечеромъ няня, Параша, Катя и я играли въ карты, а Бориска свернулся калачикомъ на коврикѣ у ня-

Муська и ея щенки.

ниныхъ ногъ и спалъ, какъ убитый. Такъ у него животъ вовсе и не болѣлъ.

— Отчего же это? спросила я у няни.

— Оттого, отвѣтила она, — что въ деревнѣ люди здоровѣе.

Милая мамочка, я хочу жить въ деревнѣ постоянно, я хочу быть здоровой, выносливой, хочу копать грядки, садить, косить, жать снопы, ухаживать за птицей и скотомъ. Переѣзжайте вы всѣ сюда и будемъ мы

Въ Центральной Африкѣ. Послѣ долгаго перехода по безплодной, песчаной пустынь, путники съ жадностью набрасываются на воду и пьютъ ее пересохшими, запекшимися устами.

здѣсь жить поближе къ деревьямъ, къ травкѣ и къ животнымъ и ко всему, что создалъ для человѣка Господь!

Сегодня послѣ обѣда мы ѣздили къ батюшкѣ въ гости. Его матушка встрѣтила насъ, какъ родныхъ, и не знала, куда насъ посадить и чѣмъ накормить. Она нашла, что ея Катя у няни разбаловалась и рѣшила ее больше къ намъ не пускать, но я и Катя стали плакать нарочно и выли такъ, что няня и матушка стали насъ утѣшать и подъ конецъ матушка опять отпустила къ намъ Катю.

Ахъ, мамочка, если бы ты только знала, какіе у батюшки щеночки! Недавно оценилась ихъ собака Муська, щенятки прозрѣли еще только третьяго дня и одинъ изъ нихъ у насъ на глазахъ вывалился изъ корзинки и самъ опять туда же въ нее влѣзъ назадъ. Ихъ всѣхъ шесть. Батюшка обѣщалъ мнѣ одного изъ нихъ подарить. Я хотѣла его сейчасъ же взять съ собой, но онъ сказалъ:

— Раньше шести недѣль собаку отъ матери отрывать нельзя. Это грѣхъ. Она должна питаться ея молокомъ. Только къ концу второго мѣсяца щенки начинаютъ кое-что ѣсть. На четвертомъ мѣсяцѣ они теряютъ молочные зубы и получаютъ зубы постоянные, а на шестомъ—уже совершенно забываютъ свою мать. Вотъ тогда-то я тебѣ щеночка и подарю.

— А почему щенки родятся слѣпыми? спросила я его.

— Потому что у собаки главное—чутье, отвѣтилъ мнѣ батюшка. Поэтому чутью у нея дано развиваться раньше, чѣмъ зрѣнію. Пока глаза еще слѣпы, щенокъ приучается разыскивать все чутьемъ.

— А долго щенокъ бываетъ слѣпымъ?

— Десять или двѣнадцать дней.

Батюшка посмотрѣлъ на Муську и ея щенятъ, глубоко вздохнулъ и продолжалъ:

— Умомъ собаки держится весь міръ. Если бы не было собаки, то некому было бы охранять стадъ Авраама и Іакова и всѣхъ нашихъ Праотцевъ, и ихъ самихъ, и тогда ихъ не было-бы въ живыхъ. А если бы ихъ не было въ живыхъ, то не произошло бы отъ нихъ и всѣхъ народовъ, населяющихъ земной шаръ.

Воображаю, мамочка, какъ ты теперь смѣешься, читая это мое письмо! Ты и раньше, дома, называла меня философкой, а теперь, вѣроятно, будешь меня еще больше дразнить. Я пишу къ тебѣ всегда такъ длинно, что даже совѣстно посылать.

Цѣлую тебя безчисленное количество разъ. Пиши мнѣ и не забывай меня.

Кланяйся папѣ, Нюрѣ и Сережѣ.

Твоя любящая дочь Соня.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МАЛИНОВКА.

(Легенда).

Это было такъ давно, что не записано ни въ какихъ книгахъ міра. Тогда еще Господь только что создалъ небо и землю, поселился и самъ на землѣ и сталъ создавать всѣхъ звѣрей и всѣ растенія. Создавая ихъ, Онъ давалъ каждому изъ нихъ названіе и дѣлалъ окраску. Въ этотъ день попугай получилъ свои блестящія зеленыя перья и оселъ свои длинныя уши. Въ этотъ-же день и пчела получила отъ Господа приказаніе собирать свой медъ и готовить его для людей. Вообще въ этотъ день случилось много чудеснаго и если-бы люди могли знать все, что тогда случилось, то имъ теперь было-бы понятно все.

Господь сидѣлъ и весь день, великій и многомилостивый, творилъ животныхъ и вдыхалъ въ нихъ жизнь. Когда-же день сталъ склоняться къ вечеру, то послѣднею изъ-подъ его рукъ вышла маленькая сѣренькая птичка.

— Пусть твое имя будетъ Малиновка! сказалъ Господь. — Запомни его и лети, куда понесутъ тебя твои крылья!

Онъ посадилъ ее къ себѣ на ладонь, она оглядѣлась по сторонамъ, вспорхнула и улетѣла.

Полетавъ немного, она оглядѣла прекрасную страну, въ которой должна

была жить, поглядѣла на другихъ птицъ и звѣрей и вдругъ ей захотѣлось взглянуть на самоѣ себя. Должно быть, она вся малиноваго цвѣта и прекрасна, какъ вечерняя заря. Не даромъ-же самъ Господь назвалъ ее Малиновкой. Она полетѣла надъ водой и взглянула на свое отраженіе на ея поверхности. И вдругъ она увидала, что она вовсе не розоваго цвѣта, а сѣрая, такая-же, какъ и воробей. И сколько она ни вертѣлась надъ водой, она не замѣтила на всемъ своемъ тѣлѣ ни единого краснаго перышка.

Тогда она полетѣла къ Господу Богу.

Милосердый, ласковый и многомилостивый, Онъ возсѣдалъ у себя въ раю на престолѣ. Изъ Его рукъ вылетали прекрасныя бабочки, кружившіяся вокругъ Его головы, на плечахъ у Него ворковали голуби, вокругъ цвѣли розы, лиліи, анютины глазки и маргаритки. Замирая отъ волненія и страха, то поднимаясь высоко въ воздухъ, то опускаясь близко къ землѣ, маленькая птичка приблизилась наконецъ къ Господу и опустилась на Его руку.

— Чего ты хочешь? спросилъ ее Господь.

— Я ничего не хочу, Господи, отвѣтила малиновка, — такъ какъ Ты

создалъ все, что только необходимо для земного счастья. Я желала-бы только знать, почему всѣ называютъ меня Малиновкой, когда я вся сѣрая, какъ воробей, отъ головы и до самага хвоста? Почему Ты далъ мнѣ такое имя, когда на всемъ моемъ тѣлѣ нѣтъ ни одного даже красноватаго пера?

Малиновка съ мольбою посмотрѣла на Господа Бога своими маленькими черными глазками и оглянулась по сторонамъ. Вокругъ нея прохаживались золотисто-красные фазаны, перелетали съ вѣтки на вѣтку ярко окрашенные попугаи, рѣяли желтыя и голубыя бабочки, цвѣли пунцовыя розы и плескались въ водѣ золотыя рыбки. И птичка подумала:

— Вотъ всѣ эти творенія такъ красивы... Что если-бы на меня упала хотя-бы только одна капелька красной краски! Какъ-бы тогда мое имя подходило ко мнѣ!

Она взглянула еще разъ съ мольбою на Господа Бога и сказала:

— Зачѣмъ-же мнѣ и называться Малиновкой, если я вся сѣрая, какъ воробей?

Господь тихо улыбнулся и отвѣтилъ:

— Я назвалъ тебя Малиновкой и пусть такъ называютъ тебя всѣ! Но ты сама должна заслужить себѣ красныя перышки, о которыхъ такъ мечтаешь.

Господь поднялъ руку и повелѣлъ птичкѣ летѣть.

Она отлетѣла въ сторону и глубоко задумалась. Что она, такая

маленькая и безсильная, могла сдѣлать для того, чтобы заслужить себѣ красный цвѣтъ? На какіе подвиги могла она быть способной, чтобы исполнилась ея мечта. Нѣтъ, она безсильна и слаба, она не въ состояннн сдѣлать ничего и всю свою жизнь обречена только на то, чтобы ѣсть и пить и больше не дѣлать ничего.

Долго еще думала она, но не могла придумать ничего и съ печалью опустила она въ кустъ шиповника. Тамъ она свила себѣ гнѣздо среди колючекъ, вывела птенцовъ и все думала о томъ, что сказалъ ей Господь.

«Хоть-бы одинъ изъ лепестковъ шиповника упалъ ко мнѣ на грудь, думала она,—тогда я воображала-бы, что это у меня алая окраска».

* *
*

Прошло нѣсколько тысячъ лѣтъ послѣ того дня, въ который Господь творилъ птицъ. Адамъ и Ева были изгнаны изъ рая, животныя тоже покинули рай и распространились по всей землѣ. Люди размножились настолько, что должны были пахать землю, плавать по морю, шить одежду, строить себѣ жилища и даже воздвигать большіе храмы и даже такіе громадныя города, какъ Римъ, Аѳины и Иерусалимъ. Та малиновка, съ которой разговаривалъ когда-то Господь, давно уже умерла, но она передала Его слова своимъ дѣтямъ и завѣщала имъ, чтобы и онѣ тоже передавали ихъ своему потомству. И

вотъ однажды наступилъ снова день, который будутъ помнить на землѣ всегда. Утромъ этого дня малиновка сидѣла на невысокомъ, каменистомъ холмѣ недалеко отъ Иерусалима и пѣла своимъ птенцамъ пѣсню, а тѣ, какъ чашечки на блюдцѣ, лежали въ своемъ гнѣздышкѣ, устроенномъ прямо на землѣ подъ вѣтвями низкаго терновника.

Она рассказывала дѣтямъ о томъ, какъ когда-то давно-давно, въ незапамятныя времена, Господь сотворилъ небо и землю, и птицъ, и животныхъ, и человѣка, и какъ всѣмъ имъ далъ имена. Она рассказала также о томъ, какъ первая Малиновка удостоилась разговора съ Богомъ о своей окраскѣ и какъ Онъ, великій, приказалъ ей заслужить свою окраску. Этотъ разговоръ малиновки передавали всѣмъ своимъ потомкамъ изъ рода въ родъ и вотъ теперь и эта, послѣдняя малиновка, пѣла о немъ своимъ птенцамъ.

— Но съ того дня, когда Господь жилъ на землѣ, грустно она пѣла свою пѣсню,—прошли ужъ цѣлые вѣка. Безчисленное количество розъ уже успѣло зацвѣсти и отцвѣсти, безконечное множество птичекъ вылупилось изъ яицъ, а мы, Малиновки, попрежнему все остаемся маленькими сѣренькими птичками и до сихъ поръ намъ не удалось заслужить себѣ красныхъ перьевъ.

Птенчики широко раскрыли свои клювы и стали спрашивать свою мать, пытались-ли ихъ предки совершить

хоть что-нибудь, чтобы заслужить желанную для нихъ окраску?

— Что можемъ сдѣлать мы, слабенькія, беззащитныя птички? отвѣчала имъ Малиновка.—На какіе подвиги мы можемъ быть способны? Мы можемъ только любить Бога, природу и людей, но развѣ подвигъ то, что обязанъ дѣлать всякій? Нѣтъ, не намъ безсильнымъ, слабымъ птичкамъ пускаться на то, что дано другимъ и чѣмъ другія могутъ заслужить для себя красивую окраску!

Птичка замолкла.

Въ это время изъ городскихъ воротъ вышла огромная толпа. Она направилась къ тому самому холму, на которомъ находилось гнѣздо съ птенцами.

Здѣсь были римскіе всадники на красивыхъ коняхъ, солдаты съ длинными, острыми копьями, первосвященники и судьи, палачъ съ гвоздями и молоткомъ въ рукахъ, плакавшія женщины, а впереди всѣхъ шла толпа неистоваго, дикаго, крикливаго, воющаго простого народа.

Малиновка испугалась, задрожала всѣмъ тѣломъ и сѣла на край своего гнѣзда. Ей было страшно. Она боялась, что кто-нибудь изъ этой толпы наступитъ на кустъ терновника и раздавитъ ея птенцовъ.

— Тише! шептала она своимъ маленькимъ, беззащитнымъ дѣтямъ.—Сидите смирно, прижмитесь другъ къ другу потѣснѣе, сидите смирно и молчите, точно васъ здѣсь и нѣтъ. Вотъ ѣдетъ лошадь... Она шагнетъ

сейчасъ прямо на васъ... Нѣтъ, она переступила черезъ васъ, но зато прямо сюда движется въ тяжелыхъ сапогахъ солдатъ, который можетъ, пожалуй, наступить на васъ... За нимъ идетъ съ ревомъ цѣлая толпа.

Но вдругъ птичка перестала предостерегать своихъ птенцовъ. Она умолкла и сразу-же позабыла объ угрожавшей ей опасности.

— Это ужасно! воскликнула она.— Я не желаю, чтобы вы это видѣли... Сюда ведутъ на распятіе трехъ преступниковъ. Вѣдь это—Голгова!

И она въ страхѣ распустила крылья и заслонила ими ужасную сцену отъ своихъ птенцовъ. Они слышали только дикій ревъ толпы и слышали стоны и громкій стукъ молотка.

— Возьми, возьми, распни Его!

Малиновка слѣдила за всѣмъ полными ужаса глазами и не могла оторвать взора отъ одного изъ осужденныхъ.

— Какіе жестокіе люди! проговорила она, помолчавъ немного.— Мало имъ было того, что они распяли этихъ несчастныхъ: они возложили на голову одного изъ нихъ еще и терновый вѣнецъ! Вотъ они прибиваютъ надъ Нимъ какую-то надпись! Я вижу, что на ней написано: «Иисусъ Назорей, царь Іудейскій»!

А въ это время шумѣла и бѣсновалась толпа и радостно восклицала:

— Сойди со креста, если ты Христость!

И птичка продолжала:

— Я вижу, что терновые шипы

вонзились Ему прямо въ чело и что изъ него течетъ кровь. Но Человѣкъ этотъ такъ ласковъ и такъ всепрощающъ, что каждый изъ нихъ долженъ былъ-бы любить Его! При видѣ Его страданій я чувствую, какъ начинаеть разрываться на части мое сердце.

И глубокая жалость охватила птичку къ этому Страдальцу въ терновомъ вѣнцѣ.

«Если-бы я была орломъ», подумала она,—«то вырвала-бы гвозди изъ Его рукъ и ногъ и своими сильными когтями исцарапала-бы этихъ людей».

Малиновка видѣла, какъ текла кровь съ чела Христа и не смогла дольше оставаться на своемъ гнѣздѣ. Она позабыла обо всемъ, о своихъ дѣтяхъ, о себѣ самой, и полетѣла прямо къ распятому Христу и стала описывать вокругъ Него широкіе круги.

Нѣсколько разъ она облетѣла вокругъ креста, не рѣшаясь поближе подлетѣть къ нему. Кто была она? Всего только маленькая, пугливая птичка, которая до сихъ поръ не осмѣливалась ни разу подлетать близко къ людямъ. Но сознаніе долга пересилило въ ней ея робость, она мало-по-малу набралась храбрости, подлетѣла къ самому кресту и вытщила клювомъ колючку, вонзившуюся въ чело Божественнаго Страдальца.

И въ ту минуту, какъ она вытщивала ее, капля крови Распятаго

Христа упала ей на грудь. Она быстро расплылась на ней и окрасила въ алый цвѣтъ покрывавшія ее перышки.

Когда Малиновка вернулась въ свое гнѣздо, то птенцы радостно закричали ей:

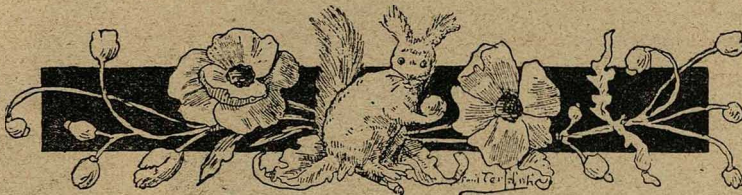
— Твоя грудь покраснѣла! На ней перья стали алыми, какъ розовые лепестки!

— Это только кровь Страдальца, отвѣтила имъ въ волненіи мать.—

Какъ только я искупаюсь въ ручьѣ, такъ она тотчасъ же и исчезнетъ.

Но сколько она ни купалась въ ручьѣ, красный цвѣтъ съ ея шеи и груди такъ и не сошелъ. А когда подросли ея птенцы, то и на ихъ груди красовались такія-же алыя перья, какія красуются теперь на грудкѣ у каждой Малиновки, скромно распѣвающей у насъ въ лѣсахъ.

Изъ Сельмы Лагерлёфъ.

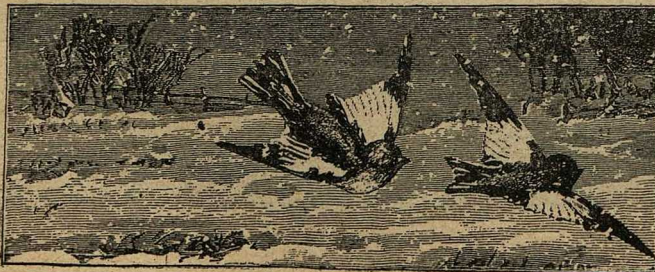
С О В ъ Т Ъ .

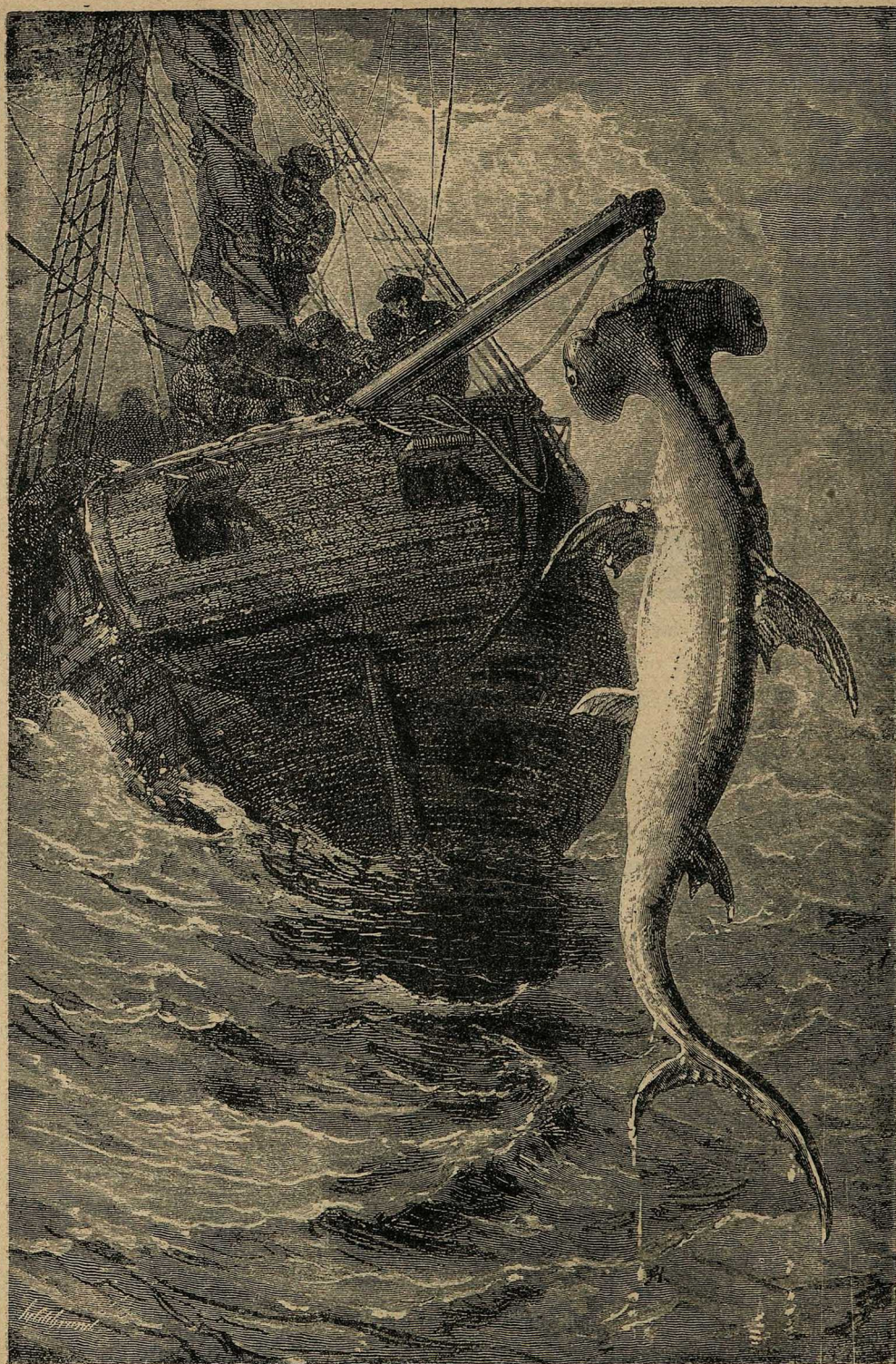
Ты малъ, ты слабъ, но что за дѣло!
Не всѣмъ великое свершать!
Работай смѣло и умѣло,
Трудъ будетъ душу украшать.

Люби людей за ихъ страданья,
Цѣпи ихъ горе, чти ихъ трудъ,
Имѣй лишь скромныя желанья
Не всѣ богато вѣдь живутъ!

Что нужды въ томъ, что неизвѣстенъ
Ты будешь долгіе года?
Трудись, будь милостивъ и честенъ
И будешь счастливъ ты тогда!

Онъ.

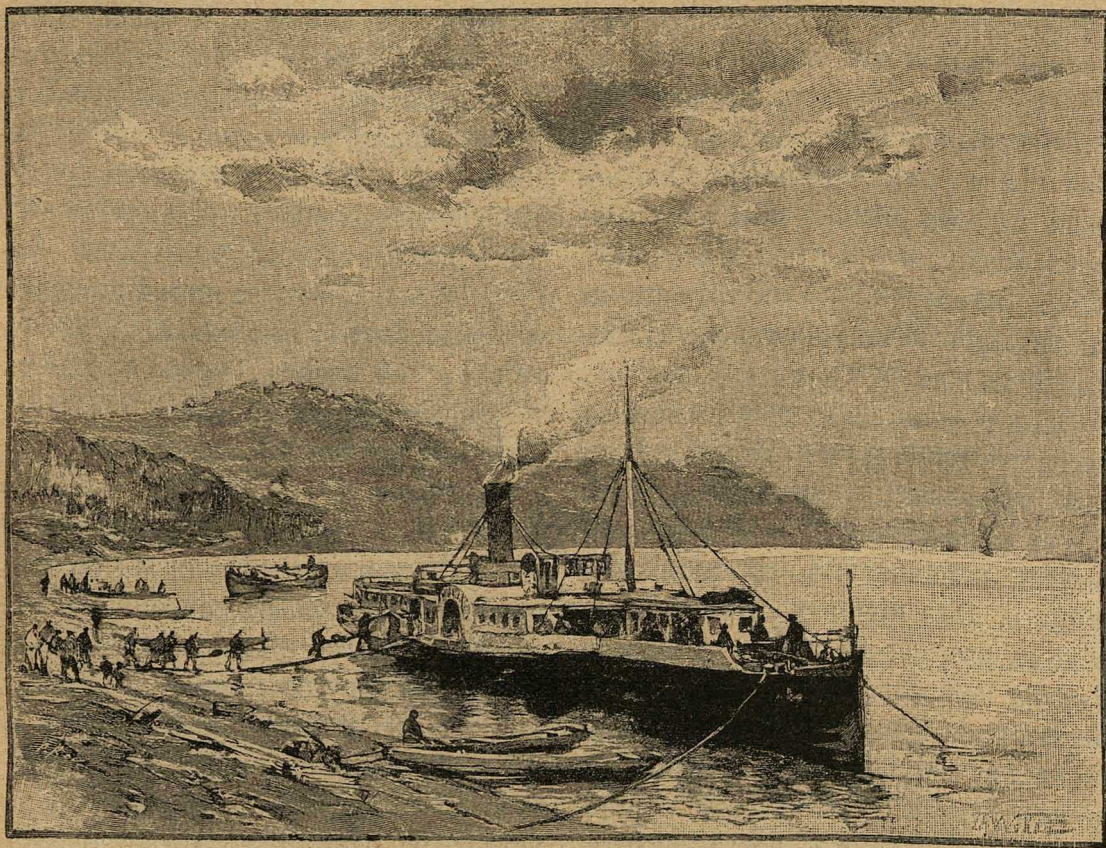

Рыба-молотъ.

МУРАВЬИ.

Въ громадномъ муравейникѣ, въ лѣсу, дѣятельно кипитъ работа. Муравьи копошатся, таскаютъ вѣточки, прутики и комочки земли и стараются

Если мы будемъ дѣлать наши наблюденія въ концѣ іюля, то мы увидимъ, что изъ него будутъ выползать иногда крылатые муравьи. Это

На Волгѣ.

сдѣлать его еще шире и выше, какъ и человѣкъ старается расширить свои города и жилища.

Но присмотримся къ муравьямъ поближе. Встанемъ въ четыре часа утра, просидимъ около нихъ весь день и прослѣдимъ всю жизнь муравьевъ.

самки. Иногда онѣ цѣлой массой вылетаютъ на воздухъ, кружатся, радуются солнцу. Вслѣдъ за ними вылетаютъ на воздухъ и самцы, которые тоже имѣютъ крылья. Вылетѣвъ однажды изъ муравейника, самцы тотчасъ-же умираютъ, а самки, полетавъ еще нѣко-

торое время, вновь возвращаются къ себѣ домой. Едва только онѣ вернутся, къ нимъ подбѣгаютъ муравьи-работники, тѣ самые муравьи, которые копошатся на поверхности муравейника и которыхъ мы такъ часто видимъ. У нихъ крыльевъ вовсе не бываетъ. Они хватаютъ самокъ и самымъ безцеремоннымъ образомъ обрываютъ у нихъ крылья, чтобы онѣ больше уже не вылетали никогда.

Лишившись свободы, самка всю себя посвящаетъ на рожденіе и воспитаніе своихъ дѣтенышей. Она ходитъ по муравейнику и на ходу кладетъ яички; яички эти бѣлаго цвѣта и очень не велики. Рабочіе тотчасъ-же подбираютъ ихъ, уносятъ въ спальныя и складываютъ въ кучки.

Черезъ пятнадцать дней изъ яичекъ вылупляются личинки. Какъ только онѣ появляются на свѣтъ, такъ тотчасъ-же къ нимъ подбѣгаютъ кормилицы и начинаютъ за ними ухаживать. Онѣ кормятъ ихъ особымъ сокомъ изъ своего рта и выносятъ ихъ на солнышко погулять. Это совершается слѣдующимъ образомъ: едва взойдетъ солнце, какъ сидящіе на крышѣ муравейника часовые бѣгутъ внизъ и начинаютъ всѣхъ будить, толкая ихъ своими усиками. Тогда всѣ, и няньки и рабочіе муравьи хватаютъ личинокъ и несутъ ихъ на солнце, чтобы подвергнуть ихъ благотѣльному дѣйствию его лучей. Продержавъ ихъ нѣкоторое время на солнцѣ, они вносятъ ихъ обратно въ муравейникъ и помѣщаютъ ихъ

тамъ на самую глубину. Сами они выходятъ опять на солнце и начинаютъ грѣться.

Затѣмъ няньки начинаютъ наводить на своихъ питомцевъ чистоту: онѣ чистятъ ихъ своими усиками, гладятъ ихъ и растираютъ имъ кожу.

Черезъ нѣсколько времени личинка покрывается оболочкой, которая называется кокономъ, и сама обращается въ куколку. Такіе коконы съ куколками принято называть муравьиными яйцами, которыми кормятъ пѣвчихъ птицъ. Когда наступаетъ срокъ, рабочіе разрываютъ коконы и изъ нихъ выходятъ молодые муравьи. Рабочіе ухаживаютъ за ними, кормятъ ихъ, выносятъ гулять и не оставляютъ ихъ до тѣхъ поръ, пока молодежь не окрѣпнетъ совершенно.

Когда истощится вся провизія или муравейникъ постигнетъ какое-нибудь бѣдствіе, то тѣ же рабочіе, взваливши къ себѣ на плечи личинокъ, куколки, молодыхъ муравьевъ, а также раненыхъ, больныхъ и стариковъ, переселяются на другое мѣсто.

Муравьи любятъ другъ друга и всегда стараются одинъ другому помочь. Если одинъ муравей сильно усталъ на работѣ, то другой беретъ его на спину и тащитъ домой. Если погруженные въ занятіе муравьи такъ увлекутся своимъ дѣломъ, что забудутъ о пищѣ, то товарищи приносятъ ее и кормятъ ихъ. Если муравей заболѣетъ или получить поврежденіе, то первый-же встрѣтившійся съ нимъ бѣжитъ къ нему на помощь

и уводитъ его домой. Когда муравей находитъ какую-нибудь добычу, то онъ никогда не лакомится ею одинъ; онъ тотчасъ-же бѣжитъ за своими товарищами и приглашаетъ ихъ на обѣдъ. Если муравей голоденъ и ему некогда отрываться отъ работы, то онъ трогаетъ усиками проходящаго и сообщаетъ ему объ этомъ. Тотъ приближается къ нему и вливаетъ ему въ ротъ особый сокъ.

Какъ же муравьи понимаютъ другъ друга? Какъ они ведутъ между собою разговоръ? Да вотъ эти-то самые усики и служатъ муравьямъ для передачи понятій, какъ людямъ служить для этого языкъ. Кромѣ того, муравей обладаетъ большою памятью.

Онъ отлично запоминаетъ мѣста, находитъ дальнія дороги, прекрасно узнаетъ своихъ товарищей даже въ массѣ чужихъ муравьевъ и разъ начавши что-нибудь дѣлать сегодня и не успѣвъ додѣлать, помнитъ объ этомъ и продолжаетъ свою работу и завтра. О громадной памяти муравьевъ говоритъ слѣдующій случай. Одинъ ученый перенесъ къ себѣ въ садъ муравейникъ и помѣстилъ его подъ стекляннымъ колпакомъ. Часть муравьевъ изъ него онъ выпустилъ на волю. Они убѣжали прочь и основали въ сосѣднемъ лѣскѣ, у каштановаго дерева новый муравейникъ. Остальные-же цѣлые четыре мѣсяца оставались у ученаго подъ колпакомъ. Произведя надъ ними свои наблюдения, ученый вынесъ ихъ потомъ въ лѣсокъ и помѣстилъ ихъ

невдалекѣ отъ этого муравейника. Едва только они почували свободу, какъ тотчасъ-же стали разбѣгаться въ разныя стороны. Но ихъ увидѣли ихъ свободные товарищи. Они подбѣжали къ нимъ, узнали ихъ послѣ четырехъ-мѣсячной разлуки, стали имъ жестикулировать своими усиками и прикладывались къ нимъ тѣломъ, точно желая отъ радости обняться или поцѣловаться. Затѣмъ они повели ихъ всѣхъ къ себѣ въ муравейникъ и зажили вмѣстѣ, какъ и четыре мѣсяца тому назадъ.

Какъ и большинство насѣкомыхъ, муравьи любятъ все сладкое и не прочь его поворовать. Иногда они совершаютъ цѣлыя нападенія на сахарницы и банки варенья. Такъ, одинъ ученый Немуръ, чтобы спасти свою сахарницу отъ нашествія муравьевъ, помѣстилъ ее на островкѣ въ тазу съ водой и сталъ наблюдать какъ къ этому отнесутся муравьи. Тогда муравьи поняли, въ чемъ дѣло, вползли по стѣнамъ на потолокъ и стали падать оттуда въ сахарницу. Но такъ какъ комнаты были высоки, то нѣкоторые изъ нихъ свалились прямо въ воду и стали тонуть. Тогда бывшіе на берегу товарищи засуетились и стали придумывать, какъ бы имъ ихъ спасти. Но озеро въ тазу для нихъ было очень велико и они не рѣшались въ него броситься и спасать погибавшихъ. Тогда нѣкоторые изъ нихъ побѣжали къ себѣ въ муравейникъ, притащили изъ него по палочкѣ, бросили ихъ на воду и на этихъ палочкахъ, какъ на плоткахъ,

бросились къ своимъ товарищамъ. Но пока они бѣгали домой, чтобы за-
пасться этими плотами, прошло уже
много времени и одиннадцать му-
равьевъ были вытащены на край таза
уже безъ чувствъ. Они навѣрное по-
гибли-бы всѣ, если-бы товарищи не
стали ихъ приводить къ чувство. Каж-
даго утопленника они оттирали, во-
рочали, ложились на него и дѣло
кончилось тѣмъ, что четверо изъ
нихъ было возвращено къ жизни,
пятый, еле двигавшій лапками и по-
луживой, былъ заботливо отнесенъ
домой. Шестеро остальныхъ умерли
и опечаленные товарищи отнесли ихъ
въ муравейникъ и тамъ ихъ по-своему
погребли.

Муравьи очень любятъ также жид-
кость, выдѣляемую травяною тлею изъ
особыхъ ея брюшныхъ мѣшочковъ.
Поймавши такую тлю, муравей, ни-
сколько не причиняя ей вреда, уно-
ситъ ее къ себѣ въ муравейникъ и
помѣщаетъ ее тамъ въ особое стойло.
Это у муравьевъ—скотный дворъ.
Здѣсь муравьи кормятъ ихъ, ходятъ
за тлями и доятъ ихъ, какъ коровъ.
Обыкновенно доеніемъ тлей занима-
ются не рабочіе, а самки.

Въ зимніе холода вся жизнь мура-
вейника затихаетъ. Муравьи заполза-
ютъ въ немъ на самую глубину и
засыпаютъ до весны. Только самое
незначительное количество муравьевъ
остается бодрствовать и, закрывшись
наглухо въ муравейникѣ со стадомъ
травяныхъ тлей, едва-едва пережи-
ваетъ зиму.

Между сосѣдними муравейниками
часто происходятъ войны и муравьи
обнаруживаютъ при этомъ своего рода
военное искусство. Во всякое время,
даже и тогда, когда нѣтъ войны, на
извѣстномъ разстояніи отъ муравей-
ника дежурятъ обыкновенно часовые.
Едва только они замѣтятъ что-нибудь
неладное, какъ тотчасъ-же бѣгутъ
къ муравейнику и поднимаютъ въ немъ
тревогу. Бросившись въ его потай-
ные ходы, они толкаютъ каждого
встрѣчнаго. Движеніе дѣлается об-
щимъ и изъ муравейника выходятъ
затѣмъ цѣлыя тысячи воиновъ, гото-
выхъ погибнуть въ борьбѣ съ не-
приятелемъ. Причиною войны чаще
всего бываютъ споры изъ-за обладанія
найденными травяными тлями. Война
между муравейниками ведется не на
жизнь, а на смерть, и побѣдившіе за-
бираютъ побѣжденныхъ къ себѣ въ
плѣнъ. Помѣстивши ихъ въ своемъ
муравейникѣ, они обращаютъ ихъ въ
рабовъ и перекладываютъ на нихъ
всю тяжесть трудовъ. Иногда такихъ
плѣнныхъ бываетъ въ муравейникѣ
болѣе, чѣмъ самихъ побѣдителей, но
они не возмущаются и покорно при-
знаютъ надъ собою ихъ власть. Даже
больше: они привязываются къ нимъ
такъ, что начинаютъ ихъ любить;
они съ материнскою заботливостью
чистятъ, лижутъ, ласкаютъ и кор-
мятъ ихъ дѣтей.

Взваливши на плѣнныхъ всю ра-
боту, побѣдители начинаютъ уже не
дѣлать ничего и цѣликомъ уже по-
свящаютъ себя набѣгамъ на сосѣд-

Спѣлыя вишни.

ніе муравейники. И странное дѣло! Когда они возвращаются съ набѣга побѣжденными, то ихъ рабы встрѣчаютъ ихъ враждебно: они загораживаютъ имъ входы въ муравейникъ. Когда же они возвращаются домой съ добычей, то рабы радостно встрѣчаютъ ихъ, предлагаютъ имъ пищу, принимаютъ отъ нихъ плѣнниковъ и уводятъ ихъ во внутренность муравейника.

Вотъ какъ описываетъ ученый Гюберъ такую войну: Я прогуливался въ окрестностяхъ Женева и вдругъ увидѣлъ у своихъ ногъ цѣлая полчища большихъ рыжихъ муравьевъ, перебѣгавшихъ черезъ дорогу. Быстро подвигаясь впередъ, это войско заняло пространство на полторы сажени длины, протянувшись лентой въ четверть аршина ширины. Пройдя затѣмъ черезъ живую изгородь, муравьи вышли на лугъ, куда послѣдовалъ за ними и я. Скоро они приблизились къ гнѣзду черныхъ муравьевъ. Лишь только тѣ замѣтили враговъ, какъ тотчасъ-же бросились

на нихъ. Вслѣдъ за ними изъ муравейника черныхъ муравьевъ вышла цѣлая армія послѣднихъ. На нихъ бросились рыжіе муравьи и началась всеобщая свалка. Скоро черные муравьи были побѣждены и поспѣшно убѣжали въ глубину своего муравейника. Тогда рыжіе муравьи бросились за ними и спустя 3—4 минуты весь муравейникъ уже находился у нихъ въ плѣну. Они взяли изъ него всѣхъ куколокъ и личинокъ и тою-же дорогой унесли ихъ къ себѣ домой. Черезъ нѣсколько дней изъ этихъ куколокъ родились у рыжихъ муравьевъ черные муравьи, которые сдѣлались ихъ рабами.

Прослѣдивши внимательно нравы и образъ жизни муравьевъ, приходится признать, что они гораздо смысленѣе, чѣмъ мы могли о томъ предполагать. Но мы часто проходимъ мимо нихъ въ лѣсу, въ разсѣянности топчемъ ихъ ногами, иногда даже тревожимъ ихъ муравейникъ, не представляя себѣ того, какихъ тяжелыхъ трудовъ стоило имъ ихъ жилище.

По Louis Figuier.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задумано слово, имѣющее въ себѣ слѣдующіе гласные звуки:

. и . е . а . о . . . а . . .

Изъ *всѣхъ* его буквъ можно составить слѣдующія слова: грамматика, математикъ, гранитъ, графъ, контора, тронъ, граната, корона, ракета, кротъ, фракъ, макарона, громъ.

Угадать, какое слово задумано?

Оно означаетъ предметъ, доставляющій развлечение и представляющій собою одно изъ величайшихъ изобрѣтеній послѣдняго времени.

II.

Задуманы четыре слова:

1-ое	изъ	нихъ	оканчивается	на-	<i>лина</i>
2-ое	»	»	»	на-	<i>раванъ</i>
3-ье	»	»	»	на-	<i>дина</i>
4-ое	»	»	»	на-	<i>вага</i>

Первые слоги этихъ задуманныхъ составляютъ собою названіе кушанья, которое очень любятъ итальянцы.

Какія это слова и какое это кушанье?

III.

Слогъ первый ищите въ русской печи и среди предлоговъ, два послѣдніе—среди стихій. На цѣломъ перевозятъ тяжести и переѣзжаютъ съ дачи.

Какое слово задумано?

IV.

Задуманы три слова, означающія:

- 1) То, что мы видимъ на небѣ.
- 2) Названіе того, кто ловитъ рыбу.
- 3) То, что имѣютъ плотникъ и столяръ.

Отъ каждаго изъ этихъ задуманныхъ словъ взять по одному только слогу и составить изъ этихъ слоговъ новое слово, которое означаетъ предметъ, необходимый при стиркѣ бѣлья.

V.

Задуманы четыре слова, означающія:

- 1) Болотную птицу. Послѣдній слогъ этого слова, мы видимъ на иконахъ.
- 2) Сжатую кисть руки. Послѣдній слогъ этого слова употребляется при полированіи дерева.
- 3) Одежду. Два послѣдніе слога этого слова означаютъ голову бѣлуги.

4) Принадлежность дачи и провинціального дома. Послѣдній слогъ этого слова означаетъ мѣсто, гдѣ растутъ сосны и грибы.

Первые слоги всѣхъ этихъ словъ составятъ собою названіе хлѣбнаго злака, растущаго на югѣ.

Къ свѣдѣнію г.г. Подписчиковъ. Съ 25-го Августа Редакція журнала „Золотое Дѣтство“ переведена на Каменноостровскій проспектъ, 22, СПб., куда и просятъ посылать рѣшенія предлагаемыхъ головоломокъ, ребусовъ и проч.

АРИТМОГРАФЪ.

Задуманное слово состоитъ изъ восьми буквъ: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8.

Буквы 1, 6, 3, 6, 5, 8 означаютъ птицу, 1, 4, 1, 2, 3, 8—ближайшую родственницу, 5, 6, 7, 8—домашнее животное, 1, 2, 3, 6, 5, 8—то, изъ чего состоитъ книга, 8, 1, 2, 3, 8—цвѣтокъ, 5, 3, 8, 1, 5, 8—то, что предохраняетъ дерево отъ гніенія и желѣзо отъ ржавчины.

Найти эти слова и задуманное слово, которое означаетъ всѣмъ извѣстное насѣкомое.

Рѣшеніе головоломокъ, помѣщенныхъ въ № 19 «Золотого Дѣтства».

I. Петровскъ.

II. ... яль+та (Ялта), ... харь+ковъ (Харьковъ), ... ту+ла (Тула),

... су+мы (Сумы), ... казань (Казань), ... ри+га (Рига), ... ла+дога (Ладоба), выборъ+г (Выборгъ), ... ко+зло+въ (Козловъ), Богу+чарь (Богучарь).

III. Птичка Божія не знаетъ ни заботы, ни труда.

Вприня рѣшенія прислали: Шура Коновалова, Ваня и Митроша Гавриловы, Петя Долженковъ, Римма Стефанова изъ Батума, Сережа Косковъ, Котя Нежданова, Миша Алексѣевъ, Клавдія Григорьева изъ Нахичевани, Настя Рыдванова, Алексѣй Киричовъ, Ларисса Лукьянова изъ Елисаветграда, Лена Федорова, Катя Печковская, Лиза Александрова, Нина Пыхтѣва изъ Мензелинска, Жоржикъ Нижниковъ, Зоя Нижникова и Сергѣй Гольцовъ изъ Гатчины, Ника Ключаревъ, Николай Ефремовъ, Боря Филистовъ, Ваня Листратовъ—гимназистикъ изъ Бронницъ, Нина и Женя Цѣшковскіе со ст. Урмары Каз. ж. д. и многіе другіе. Витя Быстрицкій изъ Царицына, Вова, Пава, Дина и Любава Слободзинскія.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“ за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз. За пересылку по разстоянію.

Можно выписывать изъ Редакціи „Золотое Дѣтство“.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

Годъ изданія третій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ
НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

При каждомъ номерѣ приложенія (выкройки, игры, картонажи для склеиванія, литературныя и другія).

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается: а) для иногородныхъ—въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Каменноостровскій пр., 22; б) для городскихъ подписчиковъ—въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени» (Невскій, 40) и Т-ва М. О. Вольфъ (Гостиный Дворъ и Невскій).

➡ Подписной годъ съ 1-го ноября. ➡

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.

Въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» (Спб., Харьковъ, Одесса, Москва и Ростовъ на Дону)

ПРОДАЕТСЯ:

АРИΘΜΕΤΙΚΑ

В. Ф. ГАРТЦА

ЛУЧШЕЕ РУКОВОДСТВО ДЛЯ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ
И САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНІЯ.

Цѣна 70 коп.

Его-же: «КРАТКІЙ КУРСЪ АРИΘΜΕΤΙΚИ»

Цѣна 45 коп.